

...Сузимся на нашей теме — на «русском вопросе» (потому беру в кавычки, что их часто так употребляют).

Русском — или российском?

В нашем многонациональном государстве оба термина имеют свой смысл и должны соблюдатья. Александр III говорил: «Россия должна принадлежать русским». Но с тех пор историческая эпоха стала взросле на столетие — и неправомерно бы уже сказать так (или, копируя бы украинских шовинистов, — «Россия для русских»). Вопреки предсказаниям многих мудрецов гуманизма и интернационализма — XX век прошел при резком усилении национальных чувств повсюду в мире, и этот процесс еще усиливается, нации — сопротивляются попыткам всемирной нивелировки их культур. И национальное сознание надо уважать всегда и везде, без исключений. (Я и писал в «Обустройстве»: в России «утвердить плодотворную содружность наций, и цельность каждой в ней культуры, и сохранность каждого в ней языка»). — И «российский» и «русский» — имеет каждое свой объем понимания. (Лишь слово «россиянин», может быть и неизбежное в официальном употреблении, звучит художечно. Не назовет себя так ни мордвин, ни чуваши, а скажут: «я — мордвин», «я — чуваши».)

Справедливо напоминают, что на просторах российской равнины, веками открытой всем передвижениям, множество племен перемешивалось с русским этносом. Но когда мы говорим «национальность», мы и не имеем в виду кровь, а всегда — дух, сознание, направление предпочтений у человека. Смешанность крови — ничего не определяет. Уже века существует русский дух и русская культура, и все, кто к этому наследству привержены душой, сознанием, сердечной болью, — вот они идут русские.

Ныне патриотизм во всякой бывшей окраинной республике считается «прогрессивным», а ожесточенный воинственный национализм там — никто не посмеет назвать ни «шовинизмом», ни, упаси Бог, «фашизмом». Однако к русскому патриотизму — еще от революционных демократов начала ХХ века, прилипло и сохранилось определение «реакционный». А ныне всякое проявление русского национального сознания — резко осуждается и даже поспешно примежуется к «фашизму» (которого в России и не бывало никогда и который вообще невозможен без расовой основы, однорасового государства).

Мне приходилось давать определение патриотизма в статье «Рассказание и самоограничение» (1973). Спустя и два десятилетия я не берусь его поправить: «Патриотизм — это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине и к своей нации со служением ей не уголовным, не поддержкою несправедливых ее притязаний, а откровенным в оценке пороков и грехов». На такой патриотизм — имеет право любая нация, и русские — никак не меньше других. Иное дело, что после пережитых русскими кровопусканий, потерь от «противоотбора», подавления и обморочения сознания — сегодня патриотизм в России раздроблен в разрозненных единицах, не существует как единое, осознавшее себя движение, а многие из тех, кто зовут себя «патриотами», — прислонились за подкреплением к коммунизму и измазались в нем. (А то еще и поднимают слабыми ручонками, снова призрак панславизма, уже столько раз губившего Россию, и уж вовсе не посильный нам ныне.)

С. Н. Булгаков однажды написал так: «Те, сердце которых истекало кровью от боли за Родину, были в то же время ее нелицемерными обличителями. Но только страждущая любовь дает право на это национальное самозашение; там же, где ее нет... похищение родины, издевательство над матерью... вызывает чувство отвращения...».

В таком сознании и в таком праве я и пишу сейчас здесь.

Краткий и частный обзор русской истории четырех последних веков, сделанный выше в этой статье, мог бы показаться чудовищно пессимистическим, а «петербургский период» несправедливо развенчанным, если бы не нынешнее глухое падение и падшее состояние русского народа. (Под обаянием этого блеска «петербургского периода», — да уж по сравнению с периодом большевистским, три года назад жители города на Неве с большим энтузиазмом восстановили — совсем не в лад и к XX веку, и к нашей растерзанной стране в

венен и бескорыстен, — все никак эти три качества не соединятся в новом Столыпине.

Сам русский характер народный, так известный нашим предкам, столько изображенный нашими писателями и наблюдаемыми вдумчивыми иностранцами, — сам этот характер угнетался, омрачался и изламывался во весь советский период. Уходили, уткали из нашей души — наша открытость, прямодушие, повышенная простоватость, естественная непринужденность, уживчивость, доверчивое смирение с судьбой, долготерпение, долговыносливость, нелогогия за внешним успехом, готовность к самоосужде-

нием и потерянного состояния мы обязаны выйти — если уж не для себя, то в память предков и ради наших детей и внуков.

Сегодня мы слышим толки об одной лишь экономике — и наша загнанная экономика вправду душит нас. Однако экономика сгодится и для безличного этнического материала, — а нам надо спасти и наш характер, наши народные традиции, нашу национальную культуру, наш исторический путь.

Русский эмигрант проф. Н. С. Тимашев как-то отметил верно: «Во всяком общественном состоянии есть, как правило, несколько возможностей, кото-

Александр СОЛЖЕНИЦЫН:

«РУССКИЙ ВОПРОС» К КОНЦУ ХХ ВЕКА

Пруд. — 1994. — 23 июня. — С. 7.

лохмолях — как белое крахмальное жабо название «Санкт-Петербург...») Как же некогда могучая и избывающая здоровьем Россия — могла вот так пасть? Три таких великих болезненных Смуты — Семнадцатого века, Семнадцатого года и нынешняя — ведь они не могут быть случайностью. Какие-то коренные государственные и духовные пороки привели к ним. Если мы четыре века растрачивали народную силу на ненужное внешнее, а в Девятсот Семнадцатом могли так слепо клюнуть на дешевые призыры к грабежу и дезертирству, — то когда-то же пришло время и платить? Наше сегодняшнее жалкое положение — оно как-то накаплилось в нашей истории?

И вот, мы докатились до Великой Русской Катастрофы 90-х годов ХХ века. За столетие многое вплеталось сюда, — Девятьсот Семнадцатый год, и 70 лет большевистского разврата, и миллионы, взятые на Архипелаг Гулаг, и миллионы, уложенные без бережи на войне, так что в редкую русскую деревню вернулись мужчины, — и нынешний по народу «удар Долларом», в ореле ликующих, хохочущих нувориши и воров.

В Катастрофе входит — прежде всего наше вымирание. И эти потери будут расти: в нынешней непроглядной нищете сколько же женщины решатся рожать? Не менее вчислятся в Катастрофе и неполноценные и больные дети, а они множатся от условий жизни и от безмерного пьянства отцов. И полный провал нашей школы, не способной сегодня возвращать поколение нравственное и знающее. И жилищная скучность такая, какую давно миновал цивилизованный мир. И кишение взяточников в государственном аппарате — вплоть до тех, кто по дешевке отпускает в иностранную концессию наши нефтяные поля или редкие металлы. (Да что терять, если предки в восьми изнурительных войнах лишили кровь, пропиваясь к Черному морю, — и все это как корова слизнула в один день?) Катастрофа и в расслоении русских как бы на две разных нации: огромный провинциально-деревенский массив — и совсем на него не похожая, иначе мыслящая столичная малочисленность с западной культурой. Катастрофа — в сегодняшней аморфности русского национального сознания, в сером равнодушии к своей национальной принадлежности и еще большем равнодушии к соотечественникам, попавшим в беду. Катастрофа и в изувеченности нашего интеллекта советской эпохи: обман и ложь коммунизма так наслонились на сознание, что многие даже не различают на своих глазах эту пелену. — Катастрофа и в том, что для государственного руководства слишком мало у нас людей, кто б одновременно был: мудр, мужествен-

нию, к раскаянию, скромность в совершении подвига, сострадательность и великодушие. Большие издергали, искрутили и изохли наш характер — более всего выжигали сострадательность, готовность помогать другим, чувство братства, а в чем динамизировали — то в плохом и жестоком, однако не восполнив наш национальный жизненный порок: малую способность к самодеятельности и самоорганизации, вместо нас все это направляли комиссары.

А рублево-долларовый удар 90-х годов еще по-новому сотряс наш характер: кто сохранил еще прежние добрые черты — оказались самыми неподготовленными к новому виду жизни, беспомощными негодными неудачниками, не способными заработать на прокормление (страшно — когда родители перед своими же детьми!) — и только с растратащенными глазами и задыхающимися обкатывались новой породой и новым кликом: «нажива! нажива любой ценой! хоть обманом, хоть разрывом, хоть растлением, хоть продажей материинского (родины) добра!» «Нажива» — стала новой (и какой же ничтожной) Идеологией. Разгромная, разрушительная переделка, еще пока никакого добра и успеха не принесшая нашему народному хозяйству и не видно такого, — густо дохнула распадом в народный характер.

И не дай Бог нынешнему распаду стать невозвратным.

(Отразилось все и в языке, зеркале народного характера. Наши соотечественники весь советский период неизменно теряли, а сейчас — обрушились собственно русский язык. Не буду говорить о биржевых дельцах, ни о затасканых журналистах, ни о столичных комнатах писательницах — но даже литераторы из крестьянских детей с отвращением отталкиваются: как это я смею использовать коренные сокные русские слова, от веку существовавшие в русском языке? Даже им теперь понятнее, не вызывают ничего нарекания такие дивные новизны русского языка, как брифинг, прессинг, маркетинг, рейтинг, холдинг, ваучер, истеблишмент, консенсус — и многие десятки их. Уже полная глухота...).

«Русский вопрос» к концу ХХ века стоит очень недвусмысленно: быть нашему народу или не быть? Да, по всему земному шару катится волна плоской, пошлой нивелировки культуры, традиций, национальностей, характеров. Однако сколько выстаивают против нее без пошата и даже гордо! Но — не мы... И если дело пойдет так и дальше — то еще через век слово «русский» как бы не пришло вычеркивать из словарей.

Из нынешнего униженного,

становясь вероятными, превращаются в тенденции общественного развития. Какие из этих тенденций осуществляются, а какие нет, — предсказать с абсолютной уверенностью нельзя: это зависит от встречи тенденций друг с другом. И поэтому человеческой воле принадлежит гораздо большая роль, чем это допускается стаей эволюционной теорией». Материалистической.

И это — христианский взгляд.

Наша история сегодня видится как потерянная — но при верных усилиях нашей воли она, может быть, теперь-то и начнется — вполне здравая, устремленная на свое внутреннее здоровье, и в своих границах, без заносов в чужие интересы, как мы навидались в начальном обзоре. Еще раз напомним Успенского, как он написал о задачах школы: «Превратить згоистическое сердце в сердце всескорбящее». Нам и предстоит построить такую школу: в первый класс ее слядут дети уже развращенного народа — а из последнего чтобы вышли с нравственным духом.

Мы должны строить Россию нравственную — или уж никакую, тогда и все равно. Все добрые семена, какие на Руси еще чудом не дотоптаны, — мы должны выберечь и вырастить. (Поможет ли нам православная церковь? За годы коммунизма она более всех разгромлена. А еще же — внутренне подорвана своей трехзвездочной покорностью государственной власти, потеряла импульс сильных общественных действий. А сейчас, при активной экспансии в Россию иностранных конфессий и сект, богатых денежными средствами, при «принципе равных возможностей» их с нищетой русской церкви, идет вообще вытеснение православия из русской жизни. Впрочем, новый взрыв материализма, на этот раз «капиталистического» угрожает и всем регионам вообще).

Но из многочисленных писем из русской провинции, с просторов России, я эти годы узнаю рассеянных по этим просторам духовно здоровых людей, и часто молодых, только разрозненных, без духовной подпитки. С возвратом на родину я надеюсь многих из них повидать. Надежда — именно и только на это здоровое ядро живых людей. Может быть, они, возраста, взаимовлияя, соединяя усилия, — постепенно оздоровят нашу нацию.

Минуло два с половиной столетия — и все так же высится перед нами, по наследству от П. И. Шувалова неисполненное Сбережение Народа.

Ничего для нас нет сегодня важней. И именно — в этом «русский вопрос» в конце ХХ века.

23.7.94